

· АРМУ—„Землекопы“—гравюра И. Касьяна

СОДЕРЖАНИЕ

- Десять лет—статья Максима Горького
Комиссар—Артем **Веселый**
У светлой радости—стих. Павла Беспощадного
Тринадцать—Отрывок из повести „Стекольщики“ Ф. Ковалевского
В море—стих. Ан. Аксютина
Митька Чудилин—Отрывок из поэмы Григория Пальмского
* * * } стих. В. Стодолі
Повстанці }
Шахта № 5—рассказ Юрия Черного
Зміна—стих. В. Краматорського
Сталинский комбинат—статья управляющего сталинским комбинатом В. Базулина
Макеевский металлургический комбинат—статья С. Беликова
Синим вечером—стих. Павла Анненкова
Вітер—стих. Павла Байдебури
Десять лет литературы—статья П. С. Когана
От романтизма к реализму—статья А. С-вского
Современная английская литература—статья Т-ева
Книжная полка

КОМИССАР

Артем Веселый

В большой накуренной коимнате хуторского ревкома работа кипела, когда убежал церковный сторож Парамон. Протискавшись вперед, он лег грудью на продовольственную ведомость, разостланную по столу, и зашептал в черную бороду председателя:

— Товарищ Ковалев, известно ли вам, что в нашем хуторе своей собственной персоной проживает грахвиня?..

— Как?—переспросил председатель.

— Грахвиня, говорю, ей-богочки..

— Что за графиня такая? Откуда ей взяться?

— Отсохни язык.

— Какое ее фамилие?

— Бес ее разберет... Она мне не тетка, щоб я ее хвямиле знал.

— Где живет?

— Около мельниц, ей-богочки, в Болонинском доме живет и собачейка при ней такая... с зайчишку.

Председатель, склонив большую с тугим завитком на маковке голову, недолгое время раздумывал, потом вирвал из ученической тетради бледный, разграфленный синими жилками, листок и медленно, с тяжелым нажимом нацарапал: „Приказываю срочно доставить неизвестную графиню из дома казака Болонина“. Он пристукинул к бумажке печать хуторского старосты, нарочно стертую так, что на ней ничего невозможно было разобрать, и подал предписание своему помощнику—Артюшке Соколову:

— Живо!

Артюшка убежал и скоро вернулся с добычей. В оттопыренной руке — щоб всем видно было—он держал наган и, строго хмурясь, кричал набившимся в коридор мужикам:

— Дай дорогу... Графиню словил.

Маленькая, сухонькая старушонка была подведена к председателскому столу. Точное без морщин лицо ее было спокойно, тонкие бескровные губы сжаты, из под криво надетого кружевного чепца выбивались седые волосы, и в желтых, точно воско-

вых руках она ценко держала, прижимая к груди, старомодный плюшевый ридиколь.

Председатель ревкома, Егор Ковалев, некоторое время молча и бесцеремонно разглядывал ее, потом спросил:

— Как будет ваше, гражданка, имя фамилие?

Арестованная промолчала, глядя через голову председателя на стену, по которой были развешены жирно намалеванные плакаты: „Распутин в аду“, „Водка—злейший враг человечества“ и воззвание „К трудящимся народам всего мира“.

Егор Ковалев был малограмотен. Грамотных он не любил и в каждом из них подозревал предателя. Правда, в затруднительных случаях Егор советовался со старым хуторским писарем Исайкой, но ни разу еще не доверил Исайке написать и двух слов. Выждав, он повторил свой вопрос.

Старуха опять промолчала.

Хуторяне засмеялись.

— Что же ты и говорить с нами не хочешь—сердцась спросил председатель.—Али мы дешевле тебя?

Артюшка, догадавшись, выдернул из-под Исайки стул и, пододвинув его к арестованной, попросил садиться.

Она скользнула взглядом по Артюшке и, продолжая стоять, сказала:

— Вам незачем знать мое имя.

— Откуда вы, позвольте узнать, приехали к нам и зачем?

Тогда вопросы принялись задавать несколько человек и со всех сторон.

Старуху прорвало, ее серые глаза сверкнули решимостью:

— Да—задыхаясь, и пытаюсь хладнокровничать, заговорила она—я графиня... Муж мой служит в Санкт-Петербурге в святейшем синоде, два мои сына, дай бог им счастья—она перекрестилась—сражаются против вас, грабителей и насильников, но я старая женщина, я вне вашей политики...

Кругом молчали, вытараща глаза и разиня рты, а она, уже не в силах остановиться, продолжала:

— В Ставропольской губернии у меня было имение и земля, имение мужики разграбили и сожгли, а землю запахали... Ах, впрочем... Ну, вот, я хотела возвратиться к мужу, но пробраться в Россию нет ни малейшей возможности, на Дону жеицы... Я остановилась

Октябрьские торжества в Краматорской

Фот. Фоменко

в вашем хуторе отдохнуть от всех пережитых ужасов и переждать, пока утихнет революция...

— Не дожدهшься—закричал Егор Ковалев—не утихнет революция.

— Кого же вы будете грабить, когда разорите всех нас?.. Да вы, батенька мой, броситесь тогда друг другу глотки грызть и вашей звериной кровью захлебнется несчастная Россия.

Общее движение, загадели, заурчали:

— Вона, сорока-белобочка...

— Башка.

— У ней, поди-ка, царь с ума не идет...

Заглушая всех, старуха выкрикивала:

— Черна ваша совесть, черна... Бога забыли... Муки ада приуготованы вам на том свете.

— А-а, не терпишь—вскочил за столом скаля зубы, Егор—вы нам сулите там, а мы вам тут, на земле ад устроили... Товарищи—обвел он всех сверкающими глазами—я так думаю, должны мы эту седую контр-революцию засудить в могилу.

Голоса загудели сочувственно, в дальнем углу кто-то крепко по-солдатски выругался.

Арестованная была отжата в угол и поставлена лицом к собранию.

После коротких, гневных речей председатель поставил вопрос на голосование. В ревкоме было много народу, и все до одного подняли негнушавшиеся, сведенные тяжелой работой руки.

Председатель поставил на допросном листе жирный крест и сказал:

— Выводи.

Весть о приговоре быстро облетела хутор.

Приговоренную на место казни сопровождала большая толпа. Мужики шагали широко и с занятым видом. Боясь опоздать, бежали бабы и унимали плачущих детей, затыкая их оружие рты жеваным хлебом или грудями. Вприпрыжку скакали ребяташки и впереди сех шли два мужика с лопатами на плечах.

Притихнув и не толкаясь, прошли через узенькую кладбищенскую калитку, потом старуха была отведена в дальний угол, где хоронились нищие и бездомки.

— Стой, конвой, солдат у...я—сострил член ревкома Пимен Харко, но все посмотрели на него неодобрительно и он умолк.

Яму копали споро, на переменку. Взлетали высветленные лопаты, к ногам людей с глухим стуком падали комья рассыпчатой земли.

— Завязать ей глаза—приказал Егор Ковалев.

Толпа, ахнув, отступила, будто всех ветром качнуло.

Фот. Симонова

Октябрьские торжества в Енакиеве

Помощник председателя Артюшка вынул грязный носовой платок, вытряс из него махорочные крошки и подошел к старухе.

— Не смей—твердо сказала она, и сконфуженный Артюшка, покраснев, отступил.

Добровольные конвоиры от нетерпенья щелкали затворами новеньких, еще не испытанных в деле берданок. Приговоренная стояла, прижимая к груди ридикюль и глядя прямо перед собой.

— Чего не видали, разойдись—строго крикнул Егор и толпа, присмирив и зашептавшись, отхлынула еще дальше, образовав полукруг.

— Заложь патроны, приготовься.

Щелкнув затворами, парни отступили шагов на десять и, вскинув ружья, стали целиться.

— Пли!

Залп...

С берез с шумом взлетели и тревожно закаркали вороны. Эхо выстрелов, перекатываясь, умерло где-то далеко в Кавказских горах.

Толпа качнулась вперед, завязжала чья-то девочка. Старуха стояла, схватившись рукой за грудь и выронив ридикюль.

Егор, заматерившись, подбежал к ней вплотную и пока толстыми трясущимися пальцами расстегивал кобур, у нее изо рта, как из рукава, хлынула кровь.

— Разбойники... Господь... покарает...—прохрипела она и харкнула кровью в черную бороду председателя...

Упала вперед, ему под ноги, точно мужество ее было сломлено и она упала в поклоне.

Артюшка поднял затоптанный в грязь ридикюль и, выверотив его на изнанку, нашел в одном из кармашков орех-тройчатку—старики хранят такие орехи, чтоб деньги водились,—и выцветшую, пожелтевшую фотографию, на которой были изображены два бравых офицера. Орех

Рабочая колония стекольного завода в Артемовске

Фот. Васильева

**ОКТЯБРЬСКИЕ
ТОРЖЕСТВА
В АРТЕМОВСКЕ**

А Б В

Артюшка разгрыз и с'ел, а карточку подал Егору.
Тот повертел ее в руках и сунул в карман.

В хутор возвращались, возбужденно переговариваясь и делясь впечатлениями. Впереди всех на одной ноге скакал рыжий, вихрастый мальчишка: он вертел над головой прут, на который была надета маленькая шелковая туфля.

Пролетели, как в вихре, четыре месяца.
Волна недовольства разливалась по Кубани все шире и шире. Из Сальских степей надвигалась окрепшая после мартовского ледяного похода добровольческая армия. Под руководством офицеров поднимались казачьи станицы.

Фот. Симонова

Рабочие Рыковского завода (Енакиево) идут с работы

В Егоре Ковалеве в крепкий узел были завязаны все качества стойкого, рядового борца. Познания его были не широки, но что знал, то знал крепко. Далеко в будущее он и не тянулся заглядывать, но зато ближайшие задачи понимал хорошо и решал их с одного почерку. Несмотря на малограмотность, революцией он был вынесен на пост отдельского (уездного) военного комиссара.

Трясаясь в легковом, разбитом автомобилишке, он беспрерывно раз'езжал по округу. В станицах и селах сам проводил мобилизации; то уговорами, то пулеметами усмирал восстания; проверял личный состав советов и ревкомов; жаловал правых и карал виновных; у богатых и зажиточных из глотки и с кровью вырывал хлеб, без которого в голодных судорогах корчился город. Гарнизон никогда не оставался без приварка, проходящие партизанские части снабжались боеприпасами, далеко гремело имя Ковалева, одни клыли его, другие хвалили и все боялись его строгости и требовательности.

В одну из своих поездок, имея на борту автомобиля неразлучного друга Артюшку Соколова и шофера немца, Георга, Ковалев из-за поломки какой-то части вынужден был остановиться в Марьяновском хуторе.

— Белых нет?—выпрыгнув из машины, спросил он выбежавшего встречать их председателя местного совета, Семена Ежова.

— Будьте спокойны, у нас тихо—ответил тот и пригласил гостей чай пить.

Председатель Ежов не столько был хитер, сколько труслив: предугадывая гибель власти, он ждал случая, чтоб выслужиться перед „кадетами“, тем самым надеясь получить прощение за свое председательствование. Проводив гостей в горницу, он мигнул сыну, вышел с ним на двор и приказал во весь дух мчаться в соседний, занятый белой разведкой хутор. Сын вскочил на неоседланную лошадь и ускакал.

На скворце с начала поданная хозяйкой яичница с салом, кипящий самовар пускал пар из ноздри под самый потолок. Ковалев с Артюшкой протряслись в дороге и были рады добродушью хозяина, который

суетливо угощал их. Георг с местным кузнецом возились у машины под окнами.

Скоро шофер, вытирая руки о паклю, вошел в горницу и доложил, что машина заправлена.

— Садитесь, товарищ,—пригласил хозяин,—закусите, чайку выпейте и поедете, куда вам торопиться, до ночи далеко...

Георг подсел к столу, подцепил на вилку поджаренный лоскуток желтка, да так и застыл с разинутым ртом: перед окном мелькнул погон, папаша и через мгновение в дом забежал, держа перед собой револьвер, офицер и за ним ввалились казаки.

— Руки вверх!

Ковалев и его спутники и мигнуть не успели, как были разоружены, обысканы и прижаты в угол, где к ним была приставлена охрана.

Красивый, как с картинки, офицер стоял посреди горницы и слушал доклад председателя Ежова:

— Комиссар и жулик... Самый он, ваше благородие, собака... Нам всем житья не давал.

— Ну, ладно, ладно, сейчас я их сам пораспрошу.

— Чайку, может быть, ваше благородие, изволите?.. В садочке?

— Чаю выпьем,—офицер обвел глазами казаков.— Как, ребята, хотите чаю?

— Так точно,—хором ответили казаки.

Офицер приказал вывести Артюшку и Георга на улицу. Артюшка, заплакав, поцеловал Егора на прощанье, а шофер крепко сжал его горячую руку и долго тряс ее.

Вся группа, звеня шпорами и бреча шашками, вышла в дышавший вечерней прохладой сад, где уже на застланном чистой скатертью столе были расставлены закуски.

Хозяин с сыном, обливаясь потом, рыли под яблоней яму. Два казака с шашками наголо стояли по бокам Егора... Он поглядывал то на казаков, то на могилу, которая быстро углублялась, и уже знал, каков будет конец суда: зря трудиться не станут.

— Дядя, что бы ты со мной сделал, если бы я попал в твои лапы?—не сводя глаз с пленника,

Фот. Васильева

Выставка артемовской профшколы (электр. отд.)

Торловский рудник

1) Открытие новой семилетки; 2) живая газета клуба им. Октябрьской революции; 3) герои труда, работающие с основания рудника; 4) новая колония; 5) старая колония; 6) новая больница и 7) кружок кройки и шитья и герои труда тов. Мокин

Фот. М. Занченко

спросил офицер и потянулся, хрустнув молодыми хрящами.

— Я тебе, племянничек, вырыл бы яму втрое глубже этой, — ответил Егор и, вздохнув полной грудью, в последний раз оглядел сад.

— Молодец, — весело крикнул офицер, вскочив и хватаясь за эфес шашки. Потом он прернулся к ординарцу и приказал: — Выдать ему стакан спирта.

Ординарец из фляжки налил полный стакан и подал Егору, тот хватил обжигающую влагу залпом и поблагодарил.

Начался допрос.

— Какие части стоят в городе и много ли их? Молчанье.

— Как продвигается работа по рытью окопов? Молчанье.

— Плетей.

Казак свалил Егора, спустили с него штаны, заворотили на голову холщевую рубашку и принялись сечь в две плети, в концы которых была вплетена медная проволока. Каждый удар просекал кожу, и кровь хлестала из него, как из бора.

У СВЕТЛОЙ РАДОСТИ

Стихи Павла Беспощадного

*Где та шахтушка, темна ноченька?
Где ж девалась ты, сила-моченька?
Занят я одной да заботою,
Что теперь в углях не работаю.
Тянет старого все на здание,
Нынче новые там „страдания“.
Манит новенький раскрасун-копер.
Старый ежится, как старик шахтер.
Новый там народ, новый эскадр.
Оттого берет старика тоска,
Время малое и короткое,
А давно он был лишь проходкою.
Но пришли сюда люди крепкие,
Дружно занялись стройкой, лепкою.
Не с „дубинушкой“, не со стенами,
Чтоб оделся ты, брат, бетонами.
А внизу, в пыли, там—за балкою
Старый рудник мой, юре жалкое.
Мне смотреть с тоской, да охота ли?
Рудник, мы с тобой отработали...
Я с тоской стою у бетонных стен.
Борода в росе... стонет старый хрен.
Ведь от радости все ребятушки,
Что у новой я шахты-матушки,
Что вы все, мои смуглолицы,
Без хозяина, без полиции.
Старика слеза—слеза детская,
Горняка заря—власть советская.*

*Потому взвзвистал, что уж нету сил,
В „старой каторге“ на пластах скосил.
Шахта, черная ж ты жемчужин...
С силой юрной я, да с остуженной.*

*Ой, вы, мытые, да углиночки,
Без сориночки, без пылиночки.
Вишь, расчувствовался я, ребятушки,
У новехонькой шахты-матушки.*

*Жаль, не стану я у пласта ногой,
Извините-ж вы хлена старого.
Не вернуть уж мне силы младости
Для донбасской светлой радости.*

*Ну, пойдём, пойдём, старичек, до мой.
Ой, милоч ты мой, уголек ты мой.
Черно золотце на суслиночке,
Раскрасавицы ж вы, углиночки.*

*Вон на смену идет уж народушко,
Прощевай и ты, мать бородушка.
А вдали, в пыли, там—за балкою
Старый рудник мой, юре жалкое.*

*Прощевай, прости мой, бетонный брат.
Ой, расти ж расти, я так буду рад.
Под красивое, да под здание
Я не раз приду на свидание.*

*Не вернуть вот, жаль, силы младости
Для донбасской светлой радости.*

Побелевшая от страха хозяйка принесла подогретый самовар и сквороду яичницы с салом...

Офицер рылся в объемистом комиссаровском портфеле. Быстро просматривал и бросал ординарцу старые приказы, арматурные списки, доклады, мандаты; вдруг из папки истертых бумажек выпала фотографическая карточка... Офицер схватил ее и остолбенел: на карточке был изображен он сам с младшим братом. На обороте еле можно было разобрать вытершуюся надпись: „Дорогой мамусе от Пети и Тимы“.

Егор, после расстрела старухи, хотел переслать карточку в чека, но потом как-то забыл и она провалялась в его бумагах четыре месяца.

Ошеломленный офицер забыл и о допросе и обо всем на свете... В настоящую минуту его занимал вопрос, как могла семейная карточка попасть в руки этого жулика? Хотя из дому он давно не получал писем, но был уверен, что отец и мать живут безвыездно в Петербурге.

— Перестаньте, вы его на смерть заперете, — остановил он взопревших казаков и, наклонившись к распростертому и уже переставшему стонать комиссару, принялся трясти его за плечо: — Послушай, откуда у тебя эта карточка?

Егор не поднял головы, его бока тяжело ходили, как бока загнанной лошади.

— Скажи, как, как она к тебе попала? — холодея, крикнул офицер ему в самое ухо, и почувствовал, как у него начинается дергаться щека.

Комиссар поднял залитое кровью и замазанное землей лицо и сказал:

— Подумай.

— Скажи... Я отпущу тебя на свободу, награжу деньгами.

Егор стонал и не отзывался.

— Говори, сволочь, или я вытяну из тебя жилы...

Где, где ты добыл эту карточку?

— Подумай — опять глухо выговорил Егор.

— Плетей!

По широкой растворенной спине опять зашлепали, разбрызгивая кровь, плети. Шкура свисала ключьями.

— Стоп! — приказал офицер, — он эдак сдохнет, а я должен узнать от него правду во что бы то ни стало... Мы заночуем тут, а утром возобновим допрос.

Егор был взвален на шинель и отнесен в арестантскую.

Ночью член того же хуторского совета, солдат Дударев, топором зарубил караульного казака и на горбу утащил Егора за хутор в болото. Там они, перебираясь с кочки на кочку и питаясь ягодами, прожили неделю, пока Егор поправлялся. Потом решили пробираться потихоньку в город. Шли ночами, минуя дороги и обходя хутора.

... Егор не мало потратил сил, пока ему удалось поймать председателя Марьяновского совета Ежова, который и был привезен в город.

В солнечный воскресный день Егор Ковалев вывел за город с музыкой и песнями весь гарнизон, выстроил его треугольником и начал говорить речь, во время которой он несколько раз распоясывался, вздергивал рубаху и показывал солдатам свою почерневшую, как чугуи, спину. Оборвав речь, так как не в силах был терпеть, он подбежал к подлающему на коленях Ежову, и его драгунская шашка заблестала.